

УДК 316.254

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ,

доктор социологических наук, заведующий
отделом социальных структур Института
социологии НАН Украины, Киев

**Анализ события:
“Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта”**

Аннотация

Известная работа К.Маркса представляет собой критику — аналитическую оценку — события государственного переворота, после которого произошла реставрация монархической формы правления во Франции. В статье показано, что Марксова трактовка понятия “событие” предвосхищает современные интерпретации. Автор статьи выделяет и рассматривает три взаимосвязанных перспективы построения текста: метафорическую, темпоральную, структурную. Метафорическая обуславливает как смыслы происходящего, так и способ его видения интерпретатором. Темпоральная обнаруживает отношение К.Маркса к трем измерениям времени — прошлому, настоящему и будущему. Структурная перспектива фокусирует внимание на основных акторах политического процесса — институтах, организациях, классах.

Ключевые слова: событие, революция, театр, время, социальная структура, классы

СЕРГІЙ МАКЕЄВ,

доктор соціологічних наук, завідувач відділу
соціальних структур Інституту соціології
НАН України, Київ

Аналіз події: “Вісімнадцяте брюмера Луї Бонапарта”

Анотація

Відома праця К.Маркса являє собою критику — аналітичну оцінку — події державного перевороту, після якого відбулася реставрація монархічної форми правління у Франції. У статті показано, що Марксове трактування поняття “подія” передує сучасним інтерпретаціям. Автор статті виокремлює і розглядає три взаємозалежні перспективи побудови тексту: метафоричну, темпоральну, структурну. Метафорична зумовлює як смисли того, що відбувається, так і спосіб бачення цього інтерпретатором. Темпоральна виявляє ставлення К.Маркса до трьох вимірів часу — минулого, теперішнього і майбутнього. Структурна перспектива фокусує увагу на основних акторах політичного процесу — інститутах, організаціях, класах.

Ключові слова: подія, революція, театр, час, соціальна структура, класи

SERHII MAKEEV,

*doctor of sciences in sociology, professor,
department of social structures of the Institute of
Sociology of the National Academy of Sciences
of Ukraine, Kyiv*

Analysis of Event: “Eighteen Brumaire of Louis Bonaparte”

Abstract

The well-known work of Karl Marx is a criticism — an analytical assessment — of the event of the coup d'état, after which the restoration of the monarchic form of government in France took place. The article shows that Marx's interpretation of the concept of “event” anticipates modern interpretations. Three interconnected prospects for constructing a text have been singled out and examined in the article: metaphorical, temporal, structural. Metaphorical one determines both the meanings of what is happening and the way in which it is interpreted by the interpreter. Temporal prospect

reveals K.Marx's attitude to the three dimensions of time — the past, the present and the future. Structural prospect focuses attention on the main actors of the political process — institutions, organizations, and classes.

Keywords: *event, revolution, theater, time, social structure, classes*

“Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта” (далее “18Б”) представляет собой панораму и анализ обстоятельств и причин прихода Луи Бонапарта к единоличной власти во Франции 2 декабря 1851 года — события, именованного современниками не иначе как государственным переворотом. Вместе с некоторыми другими работами К.Маркса эта входит в свод постоянно перечитываемых с той или иной целью [Groorpan, 1982; Tomba, 2013] и, равным образом, тех, что время от времени пересматриваются, получая оценки в диапазоне от “усложненной и малопонятной политической журналистики” до “открытия принципов и правил движения истории и эволюции обществ”. Причисляющие себя к марксистской традиции здесь более активны не только вследствие инерции критической социальной мысли, без обдумывания или же принципиально не расстающейся с такого рода высоко ценным интеллектуальным активом. О неубывающем эвристическом потенциале примененных там приемов и методов они говорили и продолжают говорить много и страстно. Дескать, стоит ими воспользоваться, как нам удастся распознать в ускоренном ритме обновляющейся современности то, что проходит мимо внимания самых бдительных свидетелей и экспертов, и представить для всеобщего обозрения если не чисто “объективную”, то достаточно верную картину случающегося и происходящего.

Вот лишь некоторые ссылки на опубликованное: полувековой давности работа Э.Соловьева [Соловьев, 1968]; тридцатилетней — статьи П.Хейеса [Hayes, 1988] и А.Суварсоно [Suvarsono, 1990]; специальный номер журнала “Strategies: Journal of Theory, Culture & Politics”, посвященный “Восемнадцатому брюмера”, среди авторов которого наиболее активный сегодня популяризатор марксизма Т.Кервер, размышляющий о причинах 150-летнего если не забвения, то, по крайней мере, легковесного восприятия этого текста как политического памфлета [Carver, 2003]; предисловие к коллекции и статья Б.Макдоналда [Macdonald, 2003]; работы Дж.Вона [Won, 2008]; М.Боста и М.Мэя [Bost, May, 2016]; К.Кобрина [Кобрин, 2014]; и в завершение — специализированный сборник статей, вышедший в начале нынешнего века [Marx's Eighteen Brumaire, 2002].

Такова лишь небольшая, заведомо нерепрезентативная выборка публикаций, ведь только на запрос “Marx's The Eighteenth Brumaire” в журнальном зале SAGE поисковик в январе 2018 выдал 405 ссылок, но название произведения фигурирует лишь в нескольких из них. Тогда как на запрос “Marx on classes” предьявлено более 25 тысяч, и очевидно, что во многих из них упоминается и “Восемнадцатое брюмера”. Статистико-библиографическое разыскание позволило бы, вероятно, смягчить тезис Т.Кервера о том, что оно гораздо менее популярно, чем “Манифест”, “Классовая борьба во Франции”, “К критике политической экономии” и, тем более, “Капитал”, но не опровергло бы его.

Кто же спорит, публицистический жанр произведения очевиден. Так задумывался и так преподносился. Из ссылок там лишь несколько выдержек из газетных публикаций. Работа написана по горячим следам, а 7 статей, составивших книгу, должны были публиковаться в США в политическом журнале на немецком языке порциями, с тем, чтобы информировать о происходящем в Европе. Изданная весной 1852 года, книга в силу разных причин до читателей практически не дошла. Второе, уже немецкое, издание предпринято в 1869 году, когда уже шло к тому, что само событие государственного переворота вскоре будет отменено реставрацией республики во Франции в 1870 году. В предисловии к изданию К.Маркс упоминает и кратко оценивает появившиеся в том же году “Государственный переворот” Ж.-П.Прудона (так была переведена или же названа книга “La revolution sociale, demontree par le coup d’Etat du 2 decembre”) и памфлет В.Гюго “Наполеон Малый”. Причем оба упомянутых автора не были знакомы с работой Маркса ни в 1852-м, ни, скорее всего, позже.

В конце концов, те, кого нарекают мыслителями и кто таковыми по сути и является, преимущественно самим себе обязанные правообладатели оригинальных способов видеть, разбираться и понимать (именуемых, обыкновено, концепцией и реже — методом), не нуждаются ни в оппонентах, ни в предшественниках. Ф.Энгельс в предисловии к третьему немецкому изданию называет труд гениальным и, что понятно, безоговорочно считает научным в той трактовке научности, которую он разделял с К.Марксом и, вероятно, со своим временем. Главным образом, потому что в “18Б” на примере революции во Франции 1848–1851 годов продемонстрировано действие закона, согласно которому переход обществ на более высокие уровни социально-экономического развития обеспечивается энергетикой борьбы классов. Для апологетов и приверженцев марксизма Энгельсова оценка неоспорима, составляя то предмет зависти, то объект разносной критики для аналитиков любой иной теоретико-методологической направленности, хотя бы раз попытавшихся разобраться в быстро преходящей, возвратной, без очевидных правил игре различающихся интересов, притязаний, убеждений и ожиданий участников социальных и политических процессов, сознательно и ненамеренно творящих переменчивый облик современности. В то же время оценка Ф.Энгельса истораживает, ведь гениальное не очевидно и трудно для понимания. Не случайно, как он замечает в том же предисловии, всякое большое событие вызывает недоумение, вводит в интеллектуальное замешательство. Но “чудо 2-го декабря” демаскировано К.Марксом, не застало его врасплох, в “18Б” даны ключи к осмыслению события “в его внутренней связи” (Ф.Энгельс). Г.Флобер же несколько позже, в 1860-е годы, работая над романом “Воспитание чувств”, наставлял в письмах своих корреспондентов: революция 1848 года и все, написанное о ней, — “глупость и гора кретинизма”.

Событие

Сказанное выше образует контекст последующих рассуждений о событии “18Б”. Концепт “анализ” в названии статьи означает не метод, но такую интеллектуальную практику, которая осуществляет декомпозицию объекта на некие составляющие или характеристики, а также использует особый, в идеале релевантный язык описания, содержащий объяснительные принци-

пы в виде механизмов и энергетики действий. Конечным продуктом аналитики оказывается интерпретация того, что случилось и как случилось. Хорошие тексты, как известно, обладают потаенной глубиной, в которой скрываются новые или основательно забытые смыслы и значения. С целью их извлечения, майнинга, заручаются особыми инструментами вроде ракурсов, перспектив, терминологических констелляций. Для всех современников К.Маркс тут не оригинален. 2 декабря 1851 года было Событием — тем, после чего все будет иначе, когда что-то завершилось и началось все по-другому, когда его надлежит изображать, истолковывать, порицать и порочить либо восхвалять и восторгаться. То был Переворот в способе отправления власти, но также в мыслях, ожиданиях, надеждах.

В современном обществоведении Событие принято писать именно так — с прописной. Обзор социально-философских трактовок понятия и основная литература рассмотрены ранее [Макеев, 2017]. В той коллективной монографии [Макеев, Оксамитна, 2017] акцент перенесен на эффекты, последствия происшедшего, а к ее библиографии следует добавить феноменологический анализ, предлагаемый К.Романо и предусматривающий темпоральное измерение важнейшего явления [Романо, 2017]. Поскольку Событие различает, трансформирует, обособляет, нанося долго не исчезающие следы в виде разрывов и противопоставлений. Или оставляя результат действия в виде теории, закона, изобретения, мировоззрения. Последний случай подробно рассмотрен С.Жижекком в недавней книге о философском путешествии по концепту “событие” [Zizek, 2014]. По своим следствиям таковы гелиоцентрическая система Н.Коперника, законы механики И.Ньютона, обе теории относительности А.Эйнштейна, паровая машина, радио, телевидение, интернет — перечень долог, но не установлен.

Отсутствуя в горизонте ожиданий, никак, вроде бы, не будучи обусловленным предшествующим порядком, Событие предстает “анархическим вторжением” (К.Романо) в повседневность. Про неожиданно случившееся несколько позже, оглядываясь и всматриваясь, кое-кто может позволить себе сказать: “все к этому шло”. Но только не аналитик, избегающий поверхностных умозаключений: “Февральская революция была *неожиданностью* для старого общества, она застигла его врасплох, и народ провозгласил этот внезапный *удар* всемирно-историческим событием, открывающим новую эру” [Маркс, Энгельс, 1957(далее 18Б): с. 122]. На первых семи страницах “18Б” слово “врасплох” встречается несколько раз. “Чудо”, сказал Ф.Энгельс о 2 декабря 1851 года, имея в виду реакцию на событие наблюдателей и комментаторов, поскольку в Событии легко угадываются поразительное и фантастичное.

Событие первоначально невидимо и почти нераспознаваемо. К.Маркс нередко прибегает к метафоре “тени”, “призрака” фигур прошлого для демонстрации вторичности происходящего, скверной копии ранее случившегося. Но также для описания того, что до поры до времени лишено визуальности, невидимо: “Если когда-либо событие еще задолго до своего наступления отбрасывало вперед свою тень, так это был государственный переворот Бонапарта” [18Б, с. 197]. Вообще-то и “призрак коммунизма” из “Манифеста Коммунистической партии” — также тень неизмеримой длины, провозвестник будущего События. Имеется в виду, таким образом, затяжное учреждение события, постепенная и неявная аккумуляция возможностей устано-

вить другое состояние совместной жизни и отправления власти — метаморфоз события из чего-то таящегося, сокрытого, но стремящегося реализоваться в будущем, конституируя новые конфигурации институтов, организаций, общностей. Все происходит так, будто событие украдкой, неопознанное, не под своим именем, перемещается во времени. Возникая внезапно, почти ниоткуда, тень обретает телесность благодаря игре обстоятельств, условностей, злонамеренностей и прихотливых случайностей. Тем самым оно и превращается в себя самое, в Событие, размежевая время, состояния и образы мира на “до” и “после”.

У политиков, представителей власти возникает заинтересованность в повышении самооценки посредством возведения даже ничтожных своих деяний в статус события. В “18Б” читаем: “... последующие поражения вышестоящих классов покупаются такой дешевой ценой, что побеждающей партии приходится прибегать к наглым преувеличениям, чтобы вообще придать им характер события...” [18Б, с. 127]. В общем, Событие непредсказуемо и, к тому же, (благо/зло)умышленно конструируемо задним числом, потому лицедеи и праведники, вещуны и ясновидящие едва ли не постоянно присутствуют на подмостках истории, а ныне еще и в социальных сетях и современных медиа. Или еще иначе: оно предсказуемо ретроспективно, задним числом, когда внезапно проясняется смысл и значение ближайшей истории. Или же кто-то стремится убедить всех, будто недавно дела обстояли именно так, плюсуя выдуманную им прибавочную значимость к тому, что маловажно.

В языке описания События у К.Маркса четко отделены метафорический и концептуальный слой. Ключевая метафора “театр”, а в концептуальном слое различимы два компонента: темпоральный и структурный.

Метафора театра

В наше время разделы или параграфы о театрализации политики, о ее презентации в виде эффектного зрелища скорее развлекательного, чем серьезного, характера и содержания вошли в учебники политологии. Но в середине XIX века сама политика пребывает едва ли не в эмбриональном состоянии, как и ее “театрализация”. Тем не менее К.Маркс вводит метафору театра первым абзацем “18Б” — том самом об истории, сначала являющейся как трагедия, а вторым разом как фарс — нечто лицемерное и циничное. Однако не был он заядлым театралом. Если не брать в расчет и литературные амбиции студенческих лет, вероятнее всего почти изжитые к 33-летнему возрасту, то что могло побудить прибегнуть к метафоре? Точных резонансов не отыскать, но правдоподобные догадки предьявлять не возбраняется.

Периодическая театрализация будничных трудов праздниками и карнавалами уже в средневековье была частью народной (низовой) культуры. К тому же метафора театра применительно вообще к жизни и судьбе людей столь традиционна, что В.Шекспир своим “*All the world's a stage*”, лучше сказать, обобщал, чем совершал открытие. Политизация же театра и литературы Франции в XIX веке детально реставрирована историками культуры и была очевидна для тех, кто был современником событий 1848 — 1851 годов. Сведенные в “Человеческую комедию” романы О.Бальзака, на один из которых есть ссылка в “18Б”, в это самое время удостоверяли верность наличным социальным типам и отношениям в обществе. Так что модель театра

была в “духе времени”, бытовала как клише во Франции, с помощью которого иллюстрировали, описывали, объясняли. П.-Ж.Прудон, наблюдавший политику изнутри как депутат Национального собрания, тогда же называл ее фарсом — раньше К.Маркса.

У О.Конта в “Системе позитивной политики” (1854 год) солидарность режима “позитивистской социократии” поддерживается сложной системой ритуалов, обрядов, фестивалей. В будущем обществе “любви, порядка и прогресса” театрализованной и, одновременно, политизированной надлежит быть повседневно. Театр же как вид искусства вообще упраздняется — изобретателя слова “социология” он раздражал, поскольку сеял рознь и смятение в умах. А в веке нынешнем констатируется, что троп “политическая сцена” не то чтобы уместен в “18Б”, он фактичен, буквален во французских реалиях того времени [Jessor, 2002: р. 185–187]. Иногда даже утверждают, будто все произведение представляет собой тропологическую машину [Vost, May, 2016]: преувеличение хотя и оправданное, но дискриминирующее, вольно или невольно, темпоральные и структурные конструкции, наличествующие в тексте.

В театре доминирующей локальностью является сцена — слово, неоднократно встречающееся в “18Б”. Она структурирована в глубину, а пролетариат время от времени “отходит на задний план революционной сцены” [18Б, с. 126]. Есть еще кулисы, которые “сдергиваются” некоторыми взволнованными или раздосадованными действующими лицами [18Б, с. 175]. Изначально принятая метафора обозначает также место рассказчика — он вне политического процесса и он критически настроен. Критика — важнейшая для К.Маркса мыслительная операция по выявлению механизма, флюидов и токов метаморфоза социальных систем. Критик политического спектакля оценивает в первую очередь исполнителей ролей, разоблачая их неискренность, ведь актер не тождествен представляемому персонажу, он говорит не от себя, от имени другого, он не таков, как его персонаж, он не тот, кем себя представляет. На страницах “18Б” легко отыскать фиксации расхождений между словом и делом, намерением и действием, целью и избираемыми средствами.

У читателя в руках будто экспертиза завершившегося лицедейства, подлинный смысл и содержание которого открылись догадливому и компетентному обозревателю. Ключевая интенция в ней — уличение неподлинности происходящего. Не верьте глазам своим, не верьте тому, что слышите. Все не так, как вам представляют. Критик демаскирует, приглашает за плотные кулисы (уводит в глубины), где, собственно, и противоборствуют принципиально различные интересы и устремления. Социальная энергия участников таких конфликтов на авансцене распределяется между более мелкими социальными актерами, присваивается ими, приводит их в возбуждение. Взору и слуху является череда персонажей, рядящихся в убранства прежних исторических эпох, с чужого плеча, перенимающих их язык, скрывая или не осознавая свои интересы и желания; персонажей, напомаженных, загримированных, под забралами шлемов и лицевых накладок. Мнимость, фиктивность, притворность разыгрывают какой-то свой вариант пьесы, подлежащий скрупулезному разбирательству.

Три фазы развития революции, которые выделяет К.Маркс [18Б, с. 124], вполне подобны трем актам пьесы, в каждом из которых — новая расстановка действующих лиц, особенные иерархии авторитета, популярности и до-

ступа к власти, неожиданные союзы и разрывы отношений. Причем в конце шестого раздела три фазы еще и подразделяются на отдельные картины в пределах одного акта. Главный герой эпохи известен автору “18Б” — это пролетариат. Но вот другие действующие лица несколько лет разворачивающейся революции не поставлены в известность или полагают собственные амбиции более значимыми и, уступая неподавляемому желанию, стремятся расположиться у рампы, на виду и на свету. Оттого они зачастую вступают не вовремя, то опережая события, то запаздывая с выходом, будто бесталанные актеры, которым и не место на подмостках. Пока же непопадание в такт происходящему наказуемо, в лучшем случае, вытеснением с просцениума за кулисы — набираться сил и ума.

Согласно театральному канону такая динамика спектакля представляет собой систему перемен, а современный телезритель легко распознает в приеме тот шаблон, по которому ныне кроются незамысловатые ситкомы — те же персонажи в разных ситуациях. Однако ход фарсового представления о государственном перевороте не нарушается, и буржуазия “играет комедию... с самым серьезным видом, не нарушая ни одного из педантичных правил французского драматического этикета...” [18Б, с. 168]. Отсылки на страницах “18Б” к пьесам В.Шекспира и Ф.Шиллера, многочисленные литературные реминисценции органичны сюжетным хитросплетениям, через которые проходит революция, функциональны в рамках принятой метафоры. Они вводятся не ради нагромождения аналогий и метафор; цитируется схожее, сближаются близкородственные культурные артефакты. Тем не менее различие между реальностью политического процесса и реальностью искусства театра не стирается. Но скорее жизнь напоминает пьесу, чем наоборот — организующая текст метафора настаивает на таком заключении.

Напротив сцены зрительный зал, в котором большая часть зрителей увлечена и восхищена некоторыми персонажами. К.Маркса озадачивала безоговорочная победа на выборах Луи Бонапарта — личности авантюрного, нечистоплотного склада. Однако иллюзии, даже искренне принимаемые и культивируемые, в политике имеют трагические последствия. Ведь на исторической сцене все взаправду, тут гибнут люди, тут отправляют в тюрьму без суда и следствия, тут приходится спасаться бегством и искать приюта в иных государствах, тут причиняют реальную боль и вызывающе торжествует зло, тут лицедействуют, обманывают и предают. Если и спектакль, то о всамделишной крови, переломанных судьбах, поруганных надеждах, о непрекращающемся насилии, о торжестве хамства, беспринципности, обскурантизма. Главные действующие лица заслуживают одного только презрения. Пострадавшим и гонимым “18Б” не сочувствует, разительно отличаясь от “Наполеона малого” В.Гюго.

Итак, метафора театра — сценой и кулисами — обнаруживает пространственное измерение События, а переходом от картины к картине, от акта к акту — переменной состояний — временное.

Темпоральность

В “18Б” темпоральность, как и положено, трехмерна — прошлое, настоящее и будущее. Но Событие проговаривается, прежде всего, о прошлом, которое видится и воспринимается по-разному, оказывается не одним и тем же в

диапазоне от “естественной и рациональной связи явлений” до “горы кретинизма”. Такая множественность оценок, инициируя полемику по поводу корректной интерпретации того, что произошло и что оно значит, формирует пространство сомнений и конкуренции догадок. Ретроспекция, даже самая убедительная, не отменяет непредсказуемости События, как и не гарантирует обоснованности предвещаний — движение мысли вправо по оси времени сомнительно в принципе. В том смысле, что заглядывать “вперед” не возбраняется, но подлинность увиденного никогда не подтверждается.

Опять-таки, выбор лучшего “экскурсовода” по тому прошлому, которое подводит к Событию, никогда не бывает универсальным: предпочтения различных коллегий экспертов и эпигонов совпадают редко. Применительно к революции 1848 года во Франции пришлось бы определяться между В.Гюго, К.Марксом, Ж.-П.Прудоном, Г.Флобером и ныне неизвестными авторами сотен брошюр, сразу после события прославляющих или, напротив, проклинающих государственный переворот 2 декабря 1851 года. А социолог в давней статье, переведенной на русский язык в этом десятилетии, считает уместным привлечь в свидетели О.Конта и А.де Токвиля — современников и комментаторов События [Калхун, 2012].

Тот же самый абзац в три предложения с широко известной сентенцией о повторяющейся истории вводит атрибутивную характеристику — темпоральное измерение События, его непоправимую развернутость в прошлое. А далее поясняется, отчего и с какой целью буржуазные революции рядятся в одеяния и маски прошлого, заимствуют имена, лозунги и язык, отдаваясь во власть традиции и ее призраков. Сейчас же, в данный момент, полагает К.Маркс, очередность действий строго предписана: настоятельными становятся анализ настоящего (его обстоятельств и условий) и радикальный разрыв с прошлым: “Социальная революция XIX века может черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого. Она не может начать осуществлять свою собственную задачу прежде, чем не покончит со всяким суеверным почитанием старины” [18Б, с. 122]. Тому, кто не удовлетворится оригинальным текстом, стоит обратиться к комментариям Ж.Деррида, проистекающим из его концепции “призракологии”, сформулированной в книге “Призраки Маркса” [Деррида, 2006: с. 157–170].

Настоящее, стало быть, оказывается несколько странным — расширенным; оно распаковалось в эпоху. К.Кобрин, оставляя свои заметки на полях “18Б”, пишет о вечной современности, вечном модерне, вынося такое утверждение в заголовок публикации [Кобрин, 2014]. В расширенном настоящем, в ддящемся модерне, Событию присущ “парадокс темпоральности” (К.Романо). К.Маркс неоднократно фиксирует его на примере латентного развития революции. Поступательное движение, восходящая линия быстро и необратимо меняется попятным движением и нисходящей линией, а революция оказывается позади своего исходного пункта, в “умершей эпохе”, заполоненной воскресшими мертвецами (призраками) в виде прежних дат, летоисчислений, имен, клятв верности, знаков различия [18Б, с. 121, 122]. Петля времени особого вида — когда ее окончание оказывается левее начала на хронологической стреле.

В принципиальном различии “нашего времени” и “не нашего времени, старины” последнее оказывается сильнее, оккупируя и подчиняя современность, трансформируя ее в фарс. Избавиться от почитания архаики, рас-

колдовать неотвязность прошлого, изгнать призраков традиции и прежней славы, как призывает К.Маркс, повеление сколь благородное, столь и невыполнимое, затея в духе чародейства и чернокнижия — неспособной состояться утопии. Ж.Деррида говорит об этой сплетенности прошлого и настоящего как об анахронии, “несвоевременности” [Деррида: с. 160]: быть теперешним, воистину современным, мало у кого получается. Но что происходит с теми, кому удается освободиться от удушающих объятий прошлого, кто “развязывает связь времен”? С теми Именами (Героями), которые, открывают вовсе не “новые”, но “все времена”? Согласно “парадоксу темпоральности” они не остаются в современности, их локальность — будущее.

Эпистемологическая позиция автора “18Б” двойственна. Он находится в Лондоне, на противоположном Франции берегу, вне охваченного революцией пространства. Вместе с тем, для адекватной оценки События недостаточно пребывать вне и теперь, следует быть в соседнем справа после настоящего модусе времени — в будущем. Единственно оттуда есть шанс уяснить, что представляет собой Событие. Грядущая социальная революция XIX века “черпает свою поэзию из будущего”, а критики заимствуют вдохновение верно видеть и понимать. Будущее, отбрасывая свою тень назад, в настоящее, приписывает ему неочевидную современникам значимость. Революция, пишет К.Маркс, покончив с законодательной властью, превращает исполнительную власть в первейший объект разрушения, а когда она “закончит эту вторую половину своей предварительной работы, тогда Европа поднимется со своего места и скажет, торжествуя: Ты хорошо роешь, старый крол!” (в тексте ссылка на “Гамлета”) [18Б, с. 205].

В этой фантазмагории времен, предьявленной зрителю, персонажи сближаются и расстаются, перемещаясь по всей глубине сцены и образуя недолговечные гетерогенные ассоциации и коллективности — подвижную и непрочную социальную структуру.

Структурность

Поскольку Событие есть, перво-наперво, действие, постольку на театральных подмостках присутствуют некие социальные структуры и конкретные люди с именами и фамилиями, которые, по сути, являются персонификациями тех или иных социальных общностей — обладающих ресурсами влиять и добиваться своего вопреки сопротивлению других или же истощенных внутренними распрями, предательствами и потому терпящих поражение. Классификации и идентификации — то, без чего спектакль ни понять, ни объяснить. Существуют, вероятно, приемы текстологического анализа, позволяющие выявить логику, последовательность и преимущественные контексты выхода тех или иных структур на просцениум и их вытеснения на арьерсцену. Но дальнейшее изложение менее амбициозно — дается их перечень и краткие характеристики.

С социологической точки зрения, начинать следует с социальных институтов, неких краеугольных камней общественной конструкции. В “18Б” такого рода образования присутствуют, хотя само понятие отнюдь не из Марксова тезауруса. Институциональная конструкция Франции традиционна для республиканской формы правления: президент, законодательная власть (парламент), исполнительная власть (правительство), церковь, суд,

армия, система образования, газеты (тогдашние СМИ), национальная гвардия, полиция. Вот только эта конструкция крайне неустойчива, неравновесна, давая повод современникам говорить о неразберихе и хаосе: ощущение беспорядка было массовым. Занятый аналитикой К.Маркс не позволяет увлечь себя этой нерефлексирующей стихией. Он описывает и объясняет, почему и как институты пребывают в постоянной борьбе, какие складываются коалиции (спайки), как по мере приближения ко 2 декабря парламент, правительство, суд утрачивают автономию и самодостаточность. А власть — основная ставка в борьбе — экспроприруется одним институтом, превращая президента сначала в диктатора при военно-буржуазном режиме, а через год — и в “нового” императора.

Институтам буржуазной демократии еще только предстояло эмансипироваться в течение следующих ста лет. Но в середине позапрошлого века они только возникают, их легитимность сомнительна, они “не знают” собственных пределов и признанных другими функций, вследствие чего конфликтуют с прочими институтами за полномочия как привлекательные, так и сомнительные, без навыка их устойчивого различения. В качестве иллюстрации опасностей, грозящих общему благу вследствие симбиоза институтов, К.Маркс описывает историю сближения исполнительной власти и армии:

““Добропорядочные республиканцы”, в свою очередь, сделали изобретение, само проложившее себе дорогу по всему континенту, но с неостывающей любовью все снова возвращавшееся во Францию, пока оно не приобрело теперь права гражданства в половине французских департаментов. Это изобретение — *осадное положение*. Превосходное изобретение, периодически применяемое в каждом из следующих друг за другом кризисов в ходе французской революции. Но казарма и бивуак, тяжесть которых таким образом периодически взваливалась на французское общество, чтобы подавить его сознание и утихомирить его; сабля и ружье, которым периодически предоставлялось творить суд и управлять, опекать и подвергать цензуре, исправлять обязанности полицейского и ночного сторожа; усы и солдатский мундир, периодически провозглашаемые высшей мудростью общества и его наставниками, — как могли казарма и бивуак, сабля и ружье, усы и солдатский мундир не прийти, наконец, к выводу: лучше спасти общество раз навсегда, провозгласив свой собственный режим главенствующим и совершенно избавив буржуазное общество от забот самоуправления! Казарма и бивуак, сабля и ружье, усы и солдатский мундир тем более должны были прийти к такой мысли, что они могли рассчитывать в этом случае на лучшую плату чистоганом за свои более серьезные заслуги, тогда как при только периодическом осадном положении — и временном спасении общества по приказу той или другой фракции буржуазии на их долю перепало мало существенного, кроме нескольких убитых и раненых и нескольких кривых улыбок со стороны буржуа. Почему бы войску не попробовать, наконец, разыграть осадное положение в собственных интересах и в свою собственную пользу, и вместе с тем подвергнуть осаде кошельки буржуа?” [18Б, с. 135–136].

В парламенте, исполнительной и местной власти уже действуют партии. В те времена они не более чем клубы единомышленников, наподобие тех, что стихийно складывались в парижских кафе, салонах, вокруг влиятельных газет и в отличие от радикальных тайных обществ, настроенных на насильственные действия, или легальных ассоциаций рабочих, в которых пели, де-

кламировали и устраивали спектакли. Временами партии создают недолговечные, нечаянно возникающие и столь же неожиданно распадающиеся коалиции на политической сцене: “Все классы и партии во время июньских дней сплотились в *партию порядка* против класса пролетариев — *партии анархии*, социализма, коммунизма. Они “спасли” общество от “*врагов общества*”. Они избрали паролем для своих войск девиз старого общества: “*Собственность, семья, религия, порядок*” и ободряли контрреволюционных крестоносцев словами: “Сим победиши!”. Начиная с этого момента, как только одна из многочисленных партий, сплотившихся под этим знаменем против июньских повстанцев, пытается в своих собственных классовых интересах удержаться на революционной арене, ей наносят поражение под лозунгом: “Собственность, семья, религия, порядок!”. Общество оказывается спасенным каждый раз, когда суживается круг его повелителей, когда более узкие интересы одерживают верх над более общими интересами” [18Б, с. 127–128].

То, что можно назвать “политической жизнью”, представляет собой в “18Б” иногда ускоренный, подчас едва заметный процесс разрывов и сближений “партий”, но также их дифференциацию на “фракции”. Специфика же применяемого К.Марксом структурного анализа состоит в том, что исходным пунктом всегда является Ситуация. Ее характерные качества и свойства предопределяют то, насколько дробными будут упоминаемые субъекты действия: однородные “народ” и “нация”, “фракции” буржуазии, гетерогенные пролетариат и крестьянство вплоть до профессий и занятий. Полезно отличать также классы от их политических и литературных представителей [18Б, с. 148]. Вот еще некоторые примеры:

“... если, прикрываясь именем короля, господствовала небольшая часть буржуазии, то отныне будет господствовать, прикрываясь именем народа, вся буржуазия в целом” [18Б, с. 126];

“История *Учредительного национального собрания* со времени июньских дней — это *история господства и разложения республиканской фракции буржуазии*, фракции, известной под названием трехцветных республиканцев, чистых республиканцев, политических республиканцев, формальных республиканцев и так далее” [18Б, с. 129];

“... финансовая аристократия, промышленная буржуазия, средние слои, мелкие буржуа, армия, организованный в мобильную гвардию люмпен-пролетариат, интеллигенция, попы и сельское население” [18Б, с. 126];

“... буржуазная масса была роялистской. Одна часть ее — крупные земельные собственники — господствовала во время *Рестаурации* и была поэтому *легитимистской*. Другая часть — финансовые тузы и крупные промышленники — господствовала при *Июльской монархии* и была поэтому *орлеанистской*. Высшие чины армии, университета, церкви, адвокатуры, академии и прессы распределялись, хотя и в различной пропорции, между теми и другими” [18Б, с. 136–137].

Однако главным коллективным действующим субъектом и бенефициантом События 2-го декабря 1851 года был, как следует из текста “18Б”, пришедший к власти люмпен-пролетариат [18Б, с. 203] — гетерогенная социальная основа режима Луи Бонапарта и, одновременно, морфология и физиология системы учрежденной им государственной власти. Попытки разобраться в том, кто же принадлежит к люмпен-пролетариату или кого следует к нему причислять, продолжаются до сих пор. И принято полагать, что у

К.Маркса нет приемлемой дефиниции, объект остается неопознанным, хотя некоторые оценки и характеристики предъявляются. Констатируется также, что в текстах К.Маркса и Ф.Энгельса данный класс именуется “опасным” [Cowling, 2002: p. 228; Thoburn, 2002: p. 440]. М.Коулинг проводит аналогию с “андерклассом” (underclass) Ч.Морриса, уже подзабытым концептом конца 80-х годов прошлого века, вытесненным из актуального контекста недавней книгой Г.Стэндинга “Прекариат: новый опасный класс”. Статью о люмпен-пролетариате Н.Тоберн через год включит в свою книгу о Ж.Делезе и К.Марксе [Thoburn, 2003: p. 47–68].

В отличие от социологической, по сути, работы М.Коулинга, Н.Тоберн скорее политологичен, интерпретируя люмпен-пролетариат не как категорию, слой или группу, а как особой разновидности политическую практику. Она разворачивается в трех сферах: в истории как фарсовое повторение прошлых идентичностей; в производстве как самоустранение от продуктивной деятельности; в политике как источник спонтанной активности. В анархизме М.Бакунина люмпен-пролетариату отводится главная роль в грядущей социальной революции, и такая трактовка класса была весьма популярной [Thoburn, 2003: p. 54–60]. Обе статьи сопровождаются обширными библиографиями и обзорами достижений предшественников, но обе проходят мимо важных Марксовых наблюдений.

Насколько пестр по занятиям люмпен-пролетариат, обычно судят по известному и часто цитируемому фрагменту “18Б”, в котором К.Маркс преимущественно стигматизирует, чем предлагает сколько-нибудь обоснованный перечень:

“Под видом создания благотворительного общества парижский люмпен-пролетариат был организован в тайные секции, каждой из которых руководили агенты Бонапарта, а во главе всего в целом стоял бонапартистский генерал. Рядом с промотавшимися кутилами сомнительного происхождения и с подозрительными средствами существования, рядом с авантюристами из развращенных подонков буржуазии в этом обществе встречались бродяги, отставные солдаты, выпущенные на свободу уголовные преступники, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лаццарони, карманные воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, носильщики, писаки, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие — словом, вся неопределенная, разношерстная масса, которую обстоятельства бросают из стороны в сторону и которую французы называют *la bohème*. Из этих родственных ему элементов Бонапарт образовал ядро Общества 10 декабря — “благотворительного общества”, поскольку все его члены, подобно Бонапарту, чувствовали потребность ублагоустроить себя за счет трудящейся массы нации. Бонапарт, становящийся *во главе люмпен-пролетариата*, находящийся только в нем массовое отражение своих личных интересов, видящий в этом отребье, в этих отбросах, в этой накипи всех классов единственный класс, на который он безусловно может опереться, — таков подлинный Бонапарт, Бонапарт *sans phrases*” [18Б, с. 167–168].

Перечислен 21 разнородный элемент — ядро, уточняет К.Маркс, которому волен составить компанию кто бы то ни был, намеренно или по неведению. Общей заботой такого ядра остается воспроизводство неэквивалентного обмена: получать, ничего не давая взамен. Впрочем, одна пригодная к обмену на вознаграждение функция была известна. Лаццарони, итальян-

ские нищие и бродяги, еще в 1799 году громили республику в Неаполе, восстанавливая монархическое правление [Сальца, 2017: с. 87–89]. Потому их присутствие в перечне никак не случайно: французская богема в версии, представленной в “18Б”, — явный клон неаполитанских босяков и бездельников, нашедших тогда чем поживиться и что сокрушить, отозвавшихся на приглашение войти в долю в практиках реставрации анахроничного.

Наряду с криминальными элементами (уголовниками и карманными ворами), тут заняты индивидуальным предпринимательством (мелкие торговцы, носильщики, фокусники), но также разного образа жизни и статуса люди (авантюристы, беглые каторжники, отставные солдаты) и вовсе лишенные достоинств (фигляры и писаки). В общем, все те, кто питает естественное отвращение к постоянной работе, кто солидаризуется исключительно за деньги и продает свою склонность к разорению и грабежу достаточно дешево, кто в перерывах между участием в таких авантюрах пребывает в “порах” современного общества, удовлетворяя великое своеобразие потребностей его членов. Но в целом — “цыганщина”, “перекати-поле”, без корней, принципов, морали, без чести и доброго имени. Над всей этой гетерогенной массой раскрывается “зонтичный” французский концепт — богема, синоним люмпен-пролетариата, того структурного идентификатора, который введен К.Марксом и которому он привержен во всех своих работах. Однако такая синонимичность не наносит ущерб принятому им лексикону. Специфические обозначения элементов социальной структуры приняты, вообще говоря, в локальных нарративах.

В “18Б” предлагается различать в люмпен-пролетариате две фракции: наряду с “незнатным” еще и “знатный” люмпен-пролетариат. Его представляют толпы молодчиков темного происхождения и сомнительной репутации, осаждающих трон, двор, высшие посты в администрации, образовании, армии и полиции, жадных до чинов, орденов и развлечений. Хищническая богема, фешенебельные мошенники, констатирует К.Маркс [18Б, с. 162, с. 197, с. 216]. Знатный люмпен-пролетариат конституируется в виде чиновничества и превращает в предмет торговли все: места в законодательном органе, знаки отличия, должности в армии и правительстве, железные дороги, прачечные, общественные работы [18Б, с. 216]. В социологии эту фракцию богемы в XX веке назовут элитой, а опыт Луи Бонапарта (“сын богемы, царственный люмпен-пролетарий” [18Б, с. 176]) многократно повторится.

Интеграция незнатного люмпен-пролетариата в Общество 10 декабря (дата избрания Луи Бонапарта президентом республики) стало эффективной инновацией в технологии борьбы за власть. В распоряжении лидера должна быть структурированная организация, нечто вроде частной парамилитарной кампании с определенными функциями, дисциплиной, нормами поведения. К.Маркс говорит “партийная боевая сила”, предназначенная демонстрировать почитание лидера в виде едва ли не всенародного энтузиазма, публично высмеивать и оскорблять противников, а при надобности разгонять демонстрации протеста [18Б, с. 169]. Но удерживать власть получается лишь с опорой на знатный люмпен-пролетариат — чиновничество, высших служащих в армии, полиции, образовании, церкви, на привлекаемых или подкупаемых ораторов и писателей. В XX веке подобная инновация неоднократно реплицируется то в виде боевых отрядов и бригад крепких молодчиков, призываемых и нанимаемых для насаждения, сохранения, ис-

правления, ниспровержения существующего порядка; то учреждаясь как государственные структуры наподобие политической полиции или органов государственной безопасности. Технология, которая инерционно продвигается в XXI столетие и временами, востребованная, находит применение.

Неверно считать, будто к богеме во Франции причисляли исключительно “отребые и накипаь”, бытовало и иное значение слова. В 1849 году отдельной книгой (фрагменты публиковались с 1847 года) был издан имевший успех, как говорят, роман А.Мюрге “Сцены из жизни богемы” [Мюрге, 2008]. Переработанный в пьесу, роман пришел в театр, а в конце века по его мотивам Д.Пуччини и Р.Леонковалло представили публике оперу “Богема”, до сих пор появляющуюся на сцене. Богема там — творческая молодежь, музыканты, художники, философы, вечные студенты-завсегдатаи Латинского квартала. Безденежье, бездомье, неодолимая социальная неустроенность, но также стихи, песни, дуэли, любовь и веселье. А рядом с “кружками богемы”, отщепенцы, во всей полноте персонифицированные Ш.Бодлером [Calasso, 2015]. Жизнь вне социальных структур и иерархий, бытие не вместе со всеми — наособицу. Демонстративное отвержение буржуазных приличий и условностей, вызывающее поведение, устрашающий обывателей эгоцентризм, разоблачение поверхности и изнанки катастрофичной повседневности, сближение прекрасного и безобразного посредством философии, поэзии, живописи, музыки, беллетристики. Изгой, отказавшиеся от каких-либо предписанных признаков, а не утратившие их, бескорыстные труженики умственного труда и служители муз. Стоит напомнить: такого рода времяпрепровождением студент К.Маркс огорчал своего отца — вплоть до разрыва отношений.

5 марта 1852 года, через три месяца после События (К.Маркс еще работает над своими текстами), Ш.Бодлер в письме одному своему адресату констатирует и вопрошает: “2 ДЕКАБРЯ меня *физически деполитизировало*. Больше нет общих идей... Быть может будущее принадлежит людям *деклассированным?*” [Бодлер, 2012: с. 45]. Вернее всего, имеется в виду, что будущее принадлежит лучшим, тем, кому хватает ума и совести чураться политики как безоглядного преследования партикулярных или исключительно личных целей, становиться физически деполитизированными из принципа, усилием воли. В вопросе слышится сомневающееся упование, чаяние без уверенности, которым всегда находится место в безобразном и суетном столкновении амбиций, притязаний, тщеславий — что и называется жизнью — и которым суждено, большей частью, оставаться несбывшимися.

Вряд ли получится установить, знал ли К.Маркс о третьем значении слова “богема”, либо в его представлениях оно просто не имело политических коннотаций. Одно совершенно точно: имея явно “богемный” социальный статус в молодости и позднее, себя лично к этой категории никогда не причислял. Тогда как постояльцы “страны Богемия” продолжали и продолжают быть объектом наблюдения историков культуры, литературоведов, социологов. В 60-е годы прошлого века С.Гранья публикует докторскую диссертацию об этих людях в революционной Франции XIX века; в центре диссертации три литературных критика буржуазного общества — Стендаль, Флобер и Бодлер [Граña, 1964]. Время выхода книги в свет было временем новых молодежных движений в Европе и Америке против буржуазного способа жить и работать — протестов тех, кто находился вне социальных струк-

тур, в лиминальном состоянии — *между*; ни там, ни сям. Так прошлое тянется в настоящее и осваивается в нем, резонирует. Либо, на иной лад, настоящее все длится и длится.

История, убежден К.Маркс в “18Б”, поскольку она слепа, кроме кружных и окольных, иных путей не ведает. Но в этом незрячем и безалаберном, казалось бы, движении, она непрерывно изменяется, обретая новые состояния и возможности становиться другой.

Источники

Бодлер, Ш. (2012). *Избранные письма*. Санкт-Петербург: Machina.

Деррида, Ж. (2006). Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый Интернационал. Москва: Логос-Альтера.

Калхун, К. (2012). Классическая социальная теория и Французская революция 1848 года. *Логос*, 4 (88), 143–171.

Кобрин К. (2014). Вечная современность: заметки на полях “Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта”. *Неприкосновенный запас*, 1 (93).

Макеев, С. (2017). Подія — спостережуваний факт спільного життя. В С. Макеєв, С. Оксамитна (Ред.), *Стан сингулярності: соціальні структури, ситуації, повсякденні практики* (сс. 15–21). Київ: Нац. ун-т “Києво-Могилянська академія”, Ін-т соціології НАН України.

Макеєв, С., Оксамитна, С. (ред.), (2017). *Стан сингулярності: соціальні структури, ситуації, повсякденні практики*. Київ: Нац. ун-т “Києво-Могилянська академія”, Ін-т соціології НАН України.

Маркс, К. (1957). Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения в 50 тт.* Т. 8 (сс. 115–217). Москва: Государственное издательство политической литературы.

Мюрже, А. (2008). *Сцены из жизни богемы*. Санкт-Петербург: Азбука.

Романо, К. (2017). Авантюра времени. Три эссе по феноменологии события. Москва: РИПОЛ классик.

Сальца, Л. (2017). Неаполь. От барокко до Просвещения. Москва: Вече.

Соловьев, Э. (1968). Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса. *Вопросы философии*, 5, 15–29.

Bost, M. W., May, M. S. (2016). The Surplus of the Machine: Trope and History in “The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte”. *Philosophy and Rhetoric*, 49 (1), 1–25.

Calasso, R. (2014). *La Folie Baudelaire*. London: Penguin Books.

Carver, T. (2003). Marx’s “Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte” — Eliding 150 Years. *Strategies: Journal of Theory, Culture and Politics*, 16 (1), 5–11.

Cowling, M. (2002). Marx’s Lumpenproletariat and Murray’s Underclass: Concepts Best Abandoned? In M. Cowling, J. Martin (Eds.), *Marx’s “Eighteenth Brumaire”*. (Post)Modern Interpretations (pp. 228–242). London: Pluto Press.

Cowling, M., Martin, J. (eds.), (2002). *Marx’s “Eighteenth Brumaire”*. (Post)Modern Interpretations. London: Pluto Press.

Graña, C. (1964). Bohemian versus Bourgeois. French Society and the French Man of Letters in the Nineteenth Century. New York: Basic Books.

Groopman, L. C. (1982). A Rereading of Marx’s “The Eighteenth Brumaire of Louis Napoleon”. *Journal of European Studies*, 12 (46), 113–129.

Hayes, P. (1988). Utopia and the Lumpenproletariat: Marx’s Reasoning in “The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte”. *The Review of Politics*, 50 (3), 445–465.

Jessop, B. (2002). The Political Scene and the Politics of Representation: Periodising Class Struggle and the State in “The Eighteenth Brumaire”. In M. Cowling, J. Martin (Eds.),

Marx's “Eighteenth Brumaire”. (Post)Modern Interpretations (pp. 179–194). London: Pluto Press.

Macdonald, B. J. (2003). Revisiting Marx's “Eighteenth Brumaire” After 150 Years: Introduction. *Strategies: Journal of Theory, Culture and Politics*, 16 (1), 3.

So, A. Y., Suwarsono. (1990). Class Theory or Class Analysis? A Re-examination of Marx's Unfinished Chapter on Class. *Critical Sociology*, 17 (2), 35–55.

Thoburn, N. (2002). Difference in Marx: The Lumpenproletariat and the Proletarian Unnamable. *Economy and Society*, 31 (3), 434–460.

Thoburn, N. (2003). *Deleuze, Marx and Politics*. London: Routledge.

Tomba, M. (2013). Marx as the Historical Materialist: Rereading “The Eighteenth Brumaire”. *Historical Materialism*, 21 (2), 21–46.

Won, J. (2008). Why Is Marx Classical? The 18th Brumaire of Louis Bonaparte and Marxist Legacy in Historical Sociology. *Development and Society*, 37 (2), 219–241.

Žižek, S. (2014). *Event: A Philosophical Journey Through A Concept*. New York: Melville House.

Материал получен 03.04.2018

References

Baudelaire, C. (2012). *Selected Letters*. [In Russian]. Saint Petersburg: Machina. [= Бодлер 2012]

Bost, M. W., May, M. S. (2016). The Surplus of the Machine: Trope and History in “The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte”. *Philosophy and Rhetoric*, 49 (1), 1–25.

Calasso, R. (2014). *La Folie Baudelaire*. London: Penguin Books.

Calhoun, C. (2012). Classical Social Theory and the French Revolution of 1848. [In Russian]. *Logos*, 4 (88), 143–171. [= Калхун 2012]

Carver, T. (2003). Marx's “Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte” — Eliding 150 Years. *Strategies: Journal of Theory, Culture and Politics*, 16 (1), 5–11.

Cowling, M. (2002). Marx's Lumpenproletariat and Murray's Underclass: Concepts Best Abandoned? In M. Cowling, J. Martin (Eds.), *Marx's “Eighteenth Brumaire”. (Post)Modern Interpretations* (pp. 228–242). London: Pluto Press.

Cowling, M., Martin, J. (eds.), (2002). *Marx's “Eighteenth Brumaire”. (Post)Modern Interpretations*. London: Pluto Press.

Derrida, J. (2006). Spectres de Marx: L'État de la dette, le travail du deuil et la nouvelle Internationale. [In Russian]. Moscow: Logos Altera. [= Деррида 2006]

Graña, C. (1964). Bohemian versus Bourgeois. French Society and the French Man of Letters in the Nineteenth Century. New York: Basic Books.

Groopman, L. C. (1982). A Rereading of Marx's “The Eighteenth Brumaire of Louis Napoleon”. *Journal of European Studies*, 12 (46), 113–129.

Hayes, P. (1988). Utopia and the Lumpenproletariat: Marx's Reasoning in “The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte”. *The Review of Politics*, 50 (3), 445–465.

Jessop, B. (2002). The Political Scene and the Politics of Representation: Periodising Class Struggle and the State in “The Eighteenth Brumaire”. In M. Cowling, J. Martin (Eds.), *Marx's “Eighteenth Brumaire”. (Post)Modern Interpretations* (pp. 179–194). London: Pluto Press.

Kobrin, K. (2014). The Eternal Contemporaneity: Notes in the Margins of “The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte”. [In Russian]. *The Untouchable Reserve*, 1 (93). [= Кобрин 2014]

Macdonald, B. J. (2003). Revisiting Marx's “Eighteenth Brumaire” After 150 Years: Introduction. *Strategies: Journal of Theory, Culture and Politics*, 16 (1), 3.

Makeev, S. (2017). The Event as an Observable Fact of Common Life. [In Ukrainian]. In S. Makeev, S. Oksamytna (Eds.), *A State of Singularity: Social Structures, Situations, Everyday Practices* (pp. 15–21). Kyiv: National University of “Kyiv-Mohyla Academy”, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine. [= Makeev 2017]

Makeev, S., Oksamytna, S. (eds.), (2017). *A State of Singularity: Social Structures, Situations, Everyday Practices*. [In Ukrainian]. Kyiv: National University of “Kyiv-Mohyla Academy”, Institute of Sociology of the NAS of Ukraine. [= Makeev 2017]

Marx, K. (1957). The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte. [In Russian]. In K. Marx, F. Engels, *Works in 50 vol.* Vol. 8 (pp. 115–217). Moscow: The State Publishing House for Political Literature. [= Маркс 1957]

Murger, H. (2008). *Scunes de la vie de bohème*. [In Russian]. Saint Petersburg: Azbooka. [= Мюрже 2008]

Romano, C. (2017). *The Adventure of Time. Three Essays on Phenomenology of the Event*. [In Russian]. Moscow: RIPOL Classic. [= Романо 2017]

Salza, L. (2017). *Naples: From Baroque to the Enlightenment*. [In Russian]. Moscow: Veche. [= Сальца 2017]

So, A. Y., Suwarsono. (1990). Class Theory or Class Analysis? A Re-examination of Marx's Unfinished Chapter on Class. *Critical Sociology*, 17 (2), 35–55.

Solov'ov, E. (1968). The Person and the Situation in Marx's Sociopolitical Analysis. [In Russian]. *Issues of Philosophy*, 5, 15–29. [= Соловьев 1968]

Thoburn, N. (2002). Difference in Marx: The Lumpenproletariat and the Proletarian Unnamable. *Economy and Society*, 31 (3), 434–460.

Thoburn, N. (2003). *Deleuze, Marx and Politics*. London: Routledge.

Tomba, M. (2013). Marx as the Historical Materialist: Rereading “The Eighteenth Brumaire”. *Historical Materialism*, 21 (2), 21–46.

Won, J. (2008). Why Is Marx Classical? The 18th Brumaire of Louis Bonaparte and Marxist Legacy in Historical Sociology. *Development and Society*, 37 (2), 219–241.

Žižek, S. (2014). *Event: A Philosophical Journey Through A Concept*. New York: Melville House.

Received 03.04.2018